

Литературная страница

Смерть Пичугина

Бурные, как волны,
Ходят в сильный ветер
Мысли, мести полны.
Вспомним страшный вечер:
Было нас немного,
Мы решили драться,
Нам Пичугин строго
Сказал—окончатель!
За рекой Тоболом,
Под родным Курганием,
Стелется по долам
Темна ночь туманом.
Мы в ночной прохладе
Ждем ужасной встречи,
Чехов—тень на свете,
Движутся их цепи.
Долго мы сражались,
Бились, не сдавали,
Но втроем остались
В лесу на увале.
Мы расскали молча
С нашим командиром,
Обещая ночью же
Овладеть Курганием.
Кудаки предали—
Был Пичугин схвачен.
Чехи ликовали,
«Суд» их был назначен.
У «Веселой горки»,
Посреди поляны
Белые, как волки,
Мстили партизану.
Он лежал спокойный,
Скрученный ремнями.
Молодой и стройный,
Не моргнув бровами.
А когда со свистом
Пули впили в тело,
Крикнул: «Коммунистом
Умираю смело!»

Г. СЫРНИКОВ, директор
НСШ № 7 конезавода.

Страна дорогая!

Люблю я сразу дорогую,
Люблю, уважаю, как мать.
И с новым призывом пойду я
Границы ее защищать!
Пусть строятся фабрики наши,
Пусть крепнет родная страна..
Надеюсь, отцы и мамашы,
Что армия наша сильна...
Мы все закаленее стали,
Нас пулей никак не пробить.
И с именем Родины, Сталина,
Сумеем врага победить.

С. МЕЖБОРСКИЙ,
допризывник.

1918 год.
Май, с его теплыми и солнечными днями, был на исходе. В город неожиданно прибыли непрошенные гости—чехи вооруженных отрядов. Захватив вокзал, чехи окружили город. Но захватить его сразу не решились, боясь сопротивления местных красногвардейских отрядов.

Командование интервентов решало создать совместное совещание с совдепом, которое состоялось 31 мая в доме № 57, по Советской улице.

На заседание от чехов явились офицеры Губ, Гайда и Грабчик. Они старались доказать «искренность» и «симпатию» к русской революции и курганским большевикам, требовали мирным путем сложить оружие, распустить совдепы и красногвардейские отряды.

После их выступила тов. Пичугин. Он твердо и уверенно заявил:

— Все, что нам здесь говорили господа офицеры, это хитрость и вероломство. Они, говоря об «искренности», маскируют свои планы. Чехи хотят захватить город, а нас всех арестовать и расстрелять.

...На утро от комаудования

белогвардейцев было получено

устное распоряжение о немедленном роспуске совдепов и сдаче города...

Штаб красной гвардии был немедленно переведен за Тобол на бывшую замку Бакинова.

2 июня вооруженные белогвардейцы, как ценные псы, ворвались в город и взвали зверскую расправу. Лучших людей они арестовали и

НА 19 ВЕРСТЕ

Николай ГАПОНЮК.

расстреляли их без всякого суда.

А там за Тоболом в неравном бою мужественно дрались красногвардейцы за Советы, за родину, геройски отбивая одиннадцатку за другой.

На рассвете небольшой красногвардейский отряд, во главе с Дмитрием Пичугиным, прорвался сквозь кольцо белогвардейцев и начал отступать к лесу.

Усталые, голодные бойцы собрались в лесу для обсуждения дальнейших действий. Первым заговорил Антонович—ребеженок от белогвардейцев. Он предлагал отступать на юг.

Поднялся сидевший на пеньке Пичугин.

— На юг отступать нельзя. В казачьих зажиточных станицах мы не получим поддержки. Я предлагаю идти по направлению к Першинской волости,—сказал он.

Пичугинцы с большими трудностями продвигались на север. Приходилось скрываться в лесах. В деревне П. они, усталые и измученные, остановились на ночлег, где и были выданы местным кузнецом ка-

рательному отряду. Белогвардейцы врасплох напали на бойцов, расстреляли их, а Пичугина и комиссара взяли живыми.

На рассвете «плебеев» привезли в село Кошкино. Крестьяне, узнав, что везут больше виков, принесли им молока и хлеба. Но солдаты не допустили их к телегам.

На пути из Кошкино, на 19 версте от Кургана, телега с «плебеев» свернула с дороги.

Окровавленного, в белой разодранной рубашке, со скрученными веревкой руками офицера сбросили Пичугина на траву у пологих двух сосен.

Опершись на руку, Пичугин, полулежа, смотрел на белого офицера, который навел на него стальное дуло нагана. Но он не испугался и не просил пощады. Лицо его выражало твердую волю борца за коммунизм.

Раздался выстрел. Пуля попала Пичугину в грудь. Он упал, но, собрав последние силы, приподнялся и крикнул:

— Да здравствует Ленин! Слава выстрел. Вторая белогвардейская пуля навеки остановила кипучую жизнь большевика Дмитрия Пичугина.

...Прошло 22 года. Шумят сосны на 19

версте. К могиле часто приходят колхозники,

боевые товарищи Дмитрия Пичугина, вспоминают о боевых днях, о мужественном командире тов. Пичугине.

А недалеко, за опушкой бора, на колхозных полях гудят тракторы. Жизнь, о которой мечтал Дмитрий, осуществилась.

Будни побед

Немало дней суровых
Пришлось нам пройти,
И трудности и радости
Мы видели в пути.

Еще немало встретится
Нам впереди преград,
Но молодежь бесстрашная
Цветет как летом сад.

Вперед, к заветной цели,
В работе и бою,
За Сталина родного,
За Родину свою!

ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВ,
учащийся 10-й неполной
средней школы.

Стремление

Вечер пылъ без шорона
Дымной занавескою.

Ветерок заигрывал
С молодой листвой.
Каждый день события,
Яркие и вечные,
Уходя в столетия,

Уносил с собой.

Молодая девушка,
Жизнь твоя цветущая,
Что же ты задумалась

Здесь над полосой?

Тракторы могучие
Песней многозвучно

Молодость вилющую
Поднимают в бой.

Чем зерно обильнее,
Чем богаче колосом,

Тем сильней желание,
Мысль вершит полет.

Жизнь такая сильная
С многозвучным голосом

Творчески рождается
И зовет вперед.

Е. СЛАВНИКОВ.

Мечта

Я в заводе кочегаром,
Скоро стану мыловаром,
Ознакомлюся ладом—
Буду мастером потом.
Для страны родимой мыло
Буду я изготавливать:
Ведь без мыла ни помыться,
Ни рубашку постирать.
Моешь тело, брызгает пена.
Грязь смываешь без следа,—
Ведь без мыла гигиена
Не годится никуда.

Г. Гавренко, кочегар мыловаренного завода.

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО ГОРОДА

Курган—город уездный

Три-четыре сотни деревянных домишок, три улицы, три тысячи душ населения обоего пола—таким был Курган, уездный город Тобольской губернии, 100 лет тому назад. Записки современников—декабристов и других политических ссыльных застечатели его своеобразный сибирский, патриархальный, казалось, неподвижный быт.

Крестьяне, ремесленники, так называемые окладные мещане, купцы, чиновники составляли все население Кургана.

Чиновники жили тесным кружком, дружно брали взятки, не стесняясь воровали, без зазрения совести хвастались друг перед другом ловко сорванным кущем.

Обдирание просителей, взятки, разные шашни и мошенничество—это проза жизни. А поэзия у курганских градо-правителей тоже была своеоб-

разная. Каждый чиновник праздновал именами свои, всех членов своего семейства. Знакомым рассыпались приглашения:

«Стабой-то приказал кланяться и просил пожаловать в такой-то день на закуску, на обед и на вечер с супругой». Утром шли поздравления и закуска, в два часа многолюдный обед, после обеда все разъезжались по домам спать, а в шесть часов вечера снова собирались с семействами на чай, танцы и ужин. Танцы шли под оркестр из виолончели, скрипки и кларнета. Не танцующие усаживались за карты—в моде были бостон и вист. Именинное торжество продолжалось до 3—4 часов утра.

Оригинально праздновалась масленица. «В последний день масленицы,—рассказывает в своих записках декабрист Розен,—склачивали огромные сани из дровней, намощенных

досками. По четырем углам укреплены четыре стола с перекрестными перекладинами у верхних концов, в средине перекладин горизонтально привязано колесо, на котором сидит и ломается шут или скоморох, в ступицу вложен шест с разевающимися знаком. Под таким балдахином, на намощенных досках, установлены скамейки для чиновников и музыкантов. Шестерка лошадей с форейтором везет этот экипаж.

Так разъезжают чиновники по всем улицам от одного знакомого до другого; хозяинки призывают их ясково с блинами и вином... Несметное число троек, пар и одиночек, городских и деревенских жителей следуют за этой процессией с колокольцами и песнями, что продолжается до позднего вечера.

Кроме декабристов, царское правительство с 1831 года на-

чало посылать в Кургане и других политических ссыльных. Сюда попали участники польских восстаний: Важенский, Раевский, князь Воронецкий, Гречковский, Савицкий, Черминский и другие. По этапу под жандармским конвоем в Курган была пригнана большая партия солдат и пожилых военных поселенцев, сосланных за восстание против военных поселений, стихийно вспыхнувшее в старой Руссе.

Многие политические ссыльные, в особенности декабристы, были передовыми, культурными людьми. К ним старались приблизиться лучшие представители малочисленной интеллигенции—известна, например, дружба местного литератора Голодкоева с декабристом Бриггеном. Пребывание в городе политических ссыльных порождало новые мысли и настроения, но не могло, конечно, заметно изменить облик курганского быта, для этого необходимы были совсем иные условия.

Для ознакомления с более поздним периодом жизни Кургана, представляет значительный интерес литературное наследство Ипполита Завалишина. Ипполит Иринархович Завалишин—во многом еще неясная историческая фигура. Он был шестнадцатилетним подростком, когда произошло восстание декабристов. Родной брат известного декабриста Д.И.Завалишина, Ипполит Завалишин в какой-то мере оказался причастен к движению, был разжалован в солдаты и сослан в Оренбург. Здесь он сопротивился с революционно-настроенной молодежью, предложил организовать тайное революционное общество и... защитил свое имя провокацией.

Несмотря на то, что Завалишин сам доносил властям о возможном революционном кружке, он был осужден вместе с другими и отправлен на карцер «по ванзату». Так назывался способ отправки ссыль-

«Расстрел Пичугина». С картины художника Г. Козлова.